

гиозной философии" и достойно представляли ее: и в интеллектуальных схватках с критическим трансцендентализмом (университетское неокантианство и "научный трансцендентализм" "Логоса"), и затем, в эмиграции, – европейским философским сообществам.

И, наконец, духовно-академическая философия, при всех ее догматических и дисциплинарных самоограничениях, смогла вырастить в своей среде и ряд самобытных, интересных не только для богословия, но и для светских интеллектуалов, мыслителей. Помимо уже отмеченных ярких вторжений в университетскую и публичную философию, внутри нее самой мы не можем не отметить оригинальность, рефлексивную мощь и глубину проникновения таких философов как П. С. Авсеньев, В.Д. Кудрявцев-Платонов, М. М. Тареев и В. И. Несмелов.

## **САКРАЛИЗАЦИЯ ПЛОТИ И ЭСТЕТИЗМ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ**

**М.М. ТАРЕЕВА**

*Ершова М.А.*

Русская культура начала XX века проживает как «серебряный век». Это время поиска новой эстетики, новых форм; время публичной постановки проблем, ранее не обсуждавшихся в обществе. Не случайно в среде русской интеллигенции начала XX века зарождается течение, требовавшее «нового религиозного сознания». Среди идейных вдохновителей этого направления были такие известные мыслители как Д.С. Мережковский и В.В. Розанов. Одной из центральных проблем их литературно-философского творчества была тема плоти. Их труды переиздавались, и взгляды их хорошо известны, поэтому не «религия семьи» Розанова и не «святая плоть» Мережковского избрана нами для исследования. Наше внимание было привлечено трудами мыслителя менее известного, но не менее оригинального, чем Мережковский и Розанов. Речь идет о профессоре Московской Духовной академии Михаиле Михайловиче Тарееве – одном из самых выдающихся представителей духовно-академической школы.

Духовно-академическая школа русской религиозной философии последние десять лет стала привлекать внимание отечественных и зарубежных исследователей (С. Каприо, В.А. Киносьян, С.В. Пишун, В.Ю. Пинчук, и др.). Это, на наш взгляд, закономерно. Ведь согласно

авторитетному мнению классика истории русской философии В.В. Зеньковского<sup>1</sup>, именно в стенах духовных академий формировались оригинальные черты русской религиозной философии, прославившейся на весь мир именами Н.А. Бердяева, о. Павла Флоренского, Вл. Соловьева и многих других. Признавали эту преемственность и сами великие русские мыслители. Так, Вл. Соловьев<sup>2</sup> называет своим учителем П.Д. Юркевича – профессора Киевской духовной академии, Н.А. Бердяев<sup>3</sup> высоко ценил труды В.И. Несмелова (профессор Казанской академии), а о. Павел Флоренский сам преподавал в Московской духовной академии.

Таким образом, обращение к академической философии – это исследование истоков и корней русской религиозной философии вообще. Однако необходимо заметить, что в духовных академиях формировалась и собственная школа философствования, развитие которой было насильственно прервано арестами, ссылками и расстрелами 20-30 годов XX века.

На начало XX века приходится время творческого расцвета М.М. Тареева. Он живо откликается на острые проблемы современности, напряженно ищет их решения, не удовлетворяясь «школьными» ответами. Проблема соотношения плоти и духа («жизни и христианства» в его терминологии) составляет нерв всей его философии. Будучи мыслителем, не просто религиозным, но христиански-религиозным, Тареев, естественно, проблеме соотношения плоти и духа ставит в контексте христианского мировоззрения. Плоть и Христианство тем больше расходятся, чем объективнее мы их рассматриваем, но у них может быть и точка соприкосновения. Чем интимнее отношение человека к Христианству и плоти, тем ближе Христианство и плоть соприкасаются, соединяясь в этически-действующей любви к плоти. Поэтому Тареев считает необходимым установить отношения христианства к формам естественной жизни, тем самым раскрыв понятие евангельской свободы.

---

<sup>1</sup>См. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1. М.: Феникс, 1999.

<sup>2</sup>См. Соловьев В.С. О философских трудах П.Д. Юркевича // П.Д. Юркевич Философские произведения. М.: Правда, 1990. С.552-578.

<sup>3</sup>Несмелов В.И. Наука о человеке. Т.1. СПб, 2000. 394 с. С. III.

Дабы сделать свою позицию более понятной читателю, более наглядно показать оригинальность собственного решения поставленного вопроса, Тареев обращается к анализу творчества Розанова и Мережковского – представителей так называемого «нового Христианства». Оба они постулируют святость плоти, тождественность, в этом отношении, духа и плоти. Естественно, что практика аскетизма, сложившаяся в христианстве, не приемлется ни тем, ни другим автором. Однако Тареев обнаруживает кардинальное расхождение «новых Христиан» в понимании семьи. Если Розанов восхищается семейным эгоизмом и умиляется на образ Левина в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого, то Мережковский клеймит этот эгоизм как мещанство. Выходит, что розановская «религия семьи» не признается Мережковским.

Доказывая неправоту представителей «нового христианства» М.М. Тареев указывает на то, что абсолютное религиозное сознание перерастает плотскую ограниченность. Дух христианской любви подвигает человека на самоотречение, на отречение от семейной жизни. Любовь как бы переливается через край семьи и распространяется на все человечество. Односторонний аскетизм начинается не с причины – дар христианской любви, а со следствия – отречения от семьи. Сам по себе факт безбрачия не может гарантировать совершенства, считает М.М. Тареев.

Но дело не в абсолютизме Евангелия, а в том, что символ заменяет дух. Безбрачие – своего рода внешний знак, символ Божественного посещения. Когда отсутствует дух, когда в наличии только мертвая форма, тогда индивид вынужден пробиваться к источнику духа через этот символ.

Что же касается оценки семьи, то Тареев не оспаривает ее ценности. «Что семья самое нежное и прекрасное в человеческой жизни, что она дает человеку глубокое счастье, имеет в себе красоту и требует самого сердечного внимания – это выше сомнения; но это еще не дает основания приписывать семье религиозную святость»<sup>1</sup>. Попытку ограничить всю религиозность религиозностью семейной Тареев сравнивает со стремлением весь свет ограничить только светом семейного очага.

---

<sup>1</sup>Тареев М.М. Основы христианства. Т. 4. Сергиев Посад, 1908. С. 142.

По его мнению, более адекватно сути вещей понятие «культура семьи», «культура плоти». Рассуждения о религии семьи бесплодны, ибо если семья крепка, если между супругами мир и согласие, то она не нуждается в культе миквы<sup>1</sup>. Если же в семье царит раздор и страх, то чем эти обряды смогут помочь? Разговор о религии семьи по сути дела приводит все к тому же бездушному символизму, который одинаково не приемлем как для Розанова, так и для Тареева.

Рассмотрев целый ряд общих для Розанова и Мережковского тем, Тареев приходит к выводу, что и по другим вопросам вышеуказанные авторы принципиально не сходятся. Если в положительных утверждениях «новые христиане» не соглашаются друг с другом, то что же их объединяет? Тареев убежден, что представители этого направления объединяются только ненавистью к Христианству. Розанов ратует за иудейство, Мережковский – за хлыстовство.

Подводя итог рассмотрению идей Розанова и Мережковского о плоти, Тареев предельно четко и ясно формулирует свою позицию по данному вопросу. Эта формулировка звучит как приговор стараниям «новых христиан» сакрализировать плоть. «Необходимость внести в границы плотской жизни начала крайней безнравственности и последовательного своеволия, чтобы придать ей видимость религиозной святости, – показывает, что по существу религиозная святость не может быть свойством плоти, что усилия поднять ее до религиозного значения ставят человека в безысходный тупик»<sup>2</sup>. Жизнь вообще (и плотская в частности), по мнению Тареева, оправдывается мистическим опытом, мистической красотой, но, ни в коей мере, не сливается с ними. «При отсутствии в ней (в жизни) святыни, она опошляется и бывает противною как обуявшая соль. Святыня оздоравливает жизнь именно своей превыспренностью, своей духовностью, в той мере, в какой она не разменивается на житейскую полезность»<sup>3</sup>. Таким образом мистическое начало, оправдывая жизнь, обретает и свое оправдание.

Решение вопроса о соотношении духа и плоти является для Тареева теоретическим основанием для постановки и решения новой

---

<sup>1</sup> Здесь Тареев имеет в виду идеи Розанова о значении иудейских обрядов.

<sup>2</sup> Тареев М.М. Основы христианства. Т. 4. Сергиев Посад, 1908. С. 150.

<sup>3</sup> Тареев М.М. Философия жизни (1891-1916). Сергиев Посад, 1916. С. 141.

проблемы – проблемы взаимоотношения морали, религии и красоты.

Что такое красота? В современной Тарееву литературе по данному вопросу достаточно подробно объяснялись утилитарно-эволюционное и физиологическое основания красоты. Профессор Московской Духовной Академии считает эти основания недостаточными. Он говорит о моральном основании эстетического. «Грубые пороки – пьянство, обжорство и прочие – одинаково оскорбляют как моральные, так и эстетические чувства»<sup>1</sup>. Это позволяет Тарееву утверждать, что эстетическое развивается параллельно с моральным.

Однако совпадение нравственного и эстетического не носит абсолютного характера. Они совпадают лишь частично, и поэтому нравственное значение эстетического не следует преувеличивать. Доказательством тому может служить эстетизация пороков.

Стремясь более точно обозначить взаимоотношения нравственности и эстетики, Тареев приходит к заключению, что нравственность совпадает с красотой лишь на низших ступенях своего развития. Достижение высших ступеней развития этического требует отделения от эстетического. Этика должна подняться выше эстетики.

Такое соотношение прекрасного и нравственного позволяет Тарееву обосновать положение о том, что помимо физической красоты есть еще и мистическая. Чувство мистической красоты носит космический, по выражению Тареева, характер. Она выносит человека за границы его индивидуальности. Человека Тареев сравнивает со сфинксом, ибо тело у него (человека или сфинкса) животное, а голова собственно человеческая. Сознание человека, по мнению Тареева, лишь яркая точка, колеблющаяся на широком фоне бессознательного. К этой точке, как к некоему узлу, сходятся невидимые нити, другими своими концами уходящие в неисследуемые глубины природного. Бессознательным основанием человек укоренен в природу. Все, что доводит стихию бессознательного до сознания и порождает в человеке чувство мистической красоты.

В трактовке соотношения сознательного и бессознательного Тареев высказывает идеи близкие психоаналитической философии

---

<sup>1</sup> Тареев М.М. Основы христианства. Т. 4. Сергиев Посад, 1908. С. 156.

3. Фрейда. Но если выплески бессознательного, по Фрейду, порождают лишь комплексы и всевозможные неврозы, то по Тарееву, бессознательное является источником чувства мистической красоты. Такое расхождение в понимании диалектики взаимоотношений сознательное–бессознательное не случайно. Фрейд абсолютизирует сексуальное начало в человеке, настаивает на противостоянии общества и индивида. Тареев опирается на свято-отеческое учение о человеке с его постулатом об изначальной гармоничности физического и духовного, сознательного и бессознательного, чувственного, волевого и рационального в человеке.

Сила мистической красоты в том, что она поднимает человека над будничной суетой. Мистической красотой проникнуто чувство любви. И красота любви в том, что она потрясает всего человека – захватывает и душу, и тело, окрыляет и вдохновляет. Красота проявляется в любом творчестве – философском, научном, художественном, религиозном. Причем между всеми видами красоты Тареев усматривает связь. Всякая мистическая красота может открываться в красоте физической, утилитарной. «В этом случае мистически-этическая эмоция и утилитарно-эстетическое ощущение, объединяясь в одном эстетическом явлении, разделяются в воспринимаемых субъектах»<sup>1</sup>. Так, например, музыкальное произведение на одного человека производит сильнейшее впечатление, другой же хорошо спит под звуки этой музыки.

Мистическая красота религиозна, утверждает профессор Тареев. Религиозность мистической красоты – пантеистическая религиозность, если религия совпадает с космическим чувством, а религиозное вдохновение с эстетическими эмоциями. Но эта пантеистическая направленность религиозности мистической красоты может переходить в свою противоположность – индивидуализм. Если человек отделяется, становится в центре мира, то культ красоты становится индивидуальным культом.

Для пояснения своей мысли Тареев считает необходимым уточнить, что индивидуализм, хотя и близок эгоизму, но имеет немало важное отличие. Собственно, эгоизм и индивидуализм по Тарееву

---

<sup>1</sup> Тареев М.М. Основы христианства. Т. 4. Сергиев Посад, 1908. С. 165.

различаются как разные степени одного и того же устремления. «В то время как мелкий эгоизм ограждается житейским благоразумием, сильный индивидуализм питается красотой и страстью»<sup>1</sup>. По сути дела речь идет об одной и той же установке, но в разной степени проявленной. Если ориентированный только на свои интересы и выгоды человек способностей посредственных, если он не уверен в своих силах – это «мелкий эгоизм». Если индивид точно так же печется только о себе, но имеет незаурядные дарования и силен, то это «сильный индивидуализм». Такой культ красоты, культ индивидуальный Тареев отождествляет с Ницшеанским идеалом красоты. Здесь пантеизм переходит в человекобожество.

Но это не последний этап в развитии религиозной красоты. Когда индивидуализм сужается до обожествления настроения, тогда религия красоты доходит до последних пределов и обращается в свою противоположность – в атеизм. Этой стадии развития религии красоты соответствует, по мнению Тареева, декаданство. Здесь религия теряет всякую устойчивость, всякий смысл и в силу этого утрачивает человеческую энергию. Декаданство есть сознательное отпадение от прежних святынь и неразборчивое поклонение всякой тайне, всякой «темной глубине».

Пока религия красоты не дошла до своего предела, до крайности, имеется другой сценарий ее развития. Если индивид ощутит безобразие бесстрастности природы относительно всего происходящего, то религия красоты уступит перед силой этического сознания и ее развитие получает иное направление. Стихийная страсть не может быть Богом, уверен Тареев. Она всего лишь идол – бессильный перед моральным сознанием. А нравственное сознание ищет Бога иного – неведомого язычеству Отца Небесного<sup>2</sup>. Здесь собственно и совершается поворот от натуралистического пантеизма к этическому теизму. Бог теизма – собственно человеческий Бог, Отец людей, а поэтому Царство Божье – это царство Добра.

Христианство как религия лично-духовная не стихийно, а человечески, поэтому оно не может сделать ни малейшей уступки в сторону

---

<sup>1</sup> Тареев М.М. Основы христианства. Т. 4. Сергиев Посад, 1908. С. 167.

<sup>2</sup> аллюзия на текст Деяний апостольских: апостол Павел проповедует афинянам «Бога неведомого» см. Деян. 17, 23

эстетизма. Христианству чужды суеверия религиозного мистицизма, ибо оно есть область светлого разума. В то же время Тареев далек от кантианства в вопросах религиозного сознания. «Христианская любовь как любовь верующая не есть отвлеченная идея, но живое всеохватывающее чувство»<sup>1</sup>. Поэтому рационализм – лишь карикатура на духовное понимание религии. Христианство перерождает стихию божественного духа в свободный дух Христов – это дух верующей любви. Это и определяет кардинальное отличие нравственности от духовной религии: если первая определяется долгом, то вторая – любовью.

Возможна ли красота в сфере разума? Тареев дает положительный ответ на этот вопрос. Более того, по его мнению, причиной прогресса в области этики и эстетики является тонкое проникновение чувств разумом. Причина этой зависимости заключается в следующем. Для того чтобы испытывать полноту наслаждения необходимо мыслить. Это гармоничное соединение разума и чувства Тареев находит в христианстве. «Христианская любовь, как духовная, как верующая, действительно объединяет мораль долга и красоту свободной жизни, разум и природу в Царствии Отца Небесного»<sup>2</sup>.

Тареев считает необходимым исключить возможность неправильного толкования этого союза следующим рассуждением о взаимоотношении христианства, разума и природы. «Не эстетическим соединением разума с природой порождается христианство, а религиозной верой, действительной любовью, создается царство духовной красоты. В этом громадная разница»<sup>3</sup>.

Такое различие религиозной любви и безумного стихийного чувства позволяет Тарееву убедительно решить вопрос о соотношении духа и плоти. Любовь духовная (αγάπη) и безумная стихия (ερώς) разделены границей нравственного сознания. Если же эта граница размыта настолько, что происходит слияние агапы и эроса, то это явление болезненное. Ни позиция Розанова, ни позиция Мережковского в вопросе плоти и духа не признаются Тареевым удовлетворительными, обе – порождение болезненного сознания.

---

<sup>1</sup> Тареев М.М. Основы христианства. Т. 4. Сергиев Посад, 1908. С. 173.

<sup>2</sup> Тареев М.М. Основы христианства. Т. 4. Сергиев Посад, 1908. С. 175.

<sup>3</sup> Там же.

Между стихийной красотой и духовной лежит мир повседневности, который характеризуется фарисейским лицемерием при попытках дать религиозное решение вопросов жизни (в частности о плоти и духе). Из духоты фарисейской религии есть единственный выход – в царство красоты. Но если выход один, то красота бывает различной. И можно погружаться в стихию сакрализации красоты, доходя до ее крайности в форме декаданса и, в конце концов, атеизма. Такой путь не приемлем для профессора Тареева. Он считает гораздо более достойным человека путь иной – путь в царство красоты духовной, единственно возможной для разумно-этического сознания.

## **ИДЕОЛОГИЯ ТВОРЧЕСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА**

### **И. А. ИЛЬИНА КАК ЦЕННОСТНАЯ ОСНОВА ВОСПИТАНИЯ ДУХОВНОСТИ И СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЧНОСТИ**

*Начапкин М.Н.*

Современная Россия нуждается в объединяющей все общество национальной идее. С 1991 года в стране насаждалась радикально-либеральная идеология. Ее постулатами были и остаются: отказ от патриотизма, «как последнего прибежища негодяев»; восхваление космополитизма, формальной западной демократии как единственного для всех стран мира пути политического развития; пропаганда индивидуализма в ущерб интересам общества; формирование отечественной олигархии за счет богатств всего народа; атеизм и кощунственно-враждебное отношение к Православной церкви; минимизация роли государства в экономике, ее сырьевой характер; отказ от гарантий государства в социальной сфере; поправление нравственных устоев, культ вседозволенности, распущенности, гедонизма; уничтожение под видом реформы лучших традиций отечественного образования и науки; поправление правосознания; следование в фарватере внешней политики США. Наиболее ярко доктрина радикального либерализма проявилась во время правления Б.Н. Ельцина. В последующие годы сама жизнь заставила В.В. Путина в интересах сохранения России как самостоятельного, суверенного государства отказаться, или пересмотреть ее положения.

Восемнадцатилетняя деградация России во всех сферах является убедительным примером необходимости пересмотра данной модели развития. Российское общество нуждается в новой, положительной, воспитывающей молодежь, творческой национальной идее, способ-